

ПРОЛОГ

Она с трудом опустилась на колени, кряхтя и держась за спину. С каждым днем ей становилось все хуже. Подумать только: еще год назад она без труда могла пройти от дома старосты до своего, сейчас же ей казалось, что этот путь бесконечен. Тяжелая одышка немилосердно разрывала грудь. Сердце старой травницы начинало сдавать. Нет-нет да и замрет в груди, чтобы через секунду понестись невероятным галопом, навстречу упущенное. От таких скачков кружилась голова, все тяжелее было собирать травы и заботиться о людях, что жили в Пограничье. Не говоря уже о том, чтобы самой справляться с хозяйством.

Сколько же ей еще отведет времени на этом свете всемилостивая? Для чего удерживает она ее душу в старом больном теле? Ведь вылечить свои хвори Рэйна уже не сможет, что бы она ни делала. Да и не болезнь стоит по ночам у изголовья ее постели, то старость пришла неожиданно, а теперь осталось лишь дожидаться, когда появится ее лучшая подруга — смерть. Но не пугало все это травницу. Она молилась в это утро лишь о двух вещах.

— Великая богиня, — дрожащим голосом говорила Рэйна, — прошу тебя, не забирай меня к себе до окончания зимы. Не выживет Пограничье без меня, когда придет время лихорадки. Прошу милости твоей. Не для себя — для людей прошу. Приди за душою моею в одну ночь, не позволь мне лежать беспомощной. О легкой смерти прошу. С первой каплей прими меня в свои чертоги. — Дрожащей рукой нарисовала травница святой знак в воздухе и низко склонилась так, что коснулась лбом холодного деревянного пола.

Тяжелый выдох со свистом вылетел из ее груди. Неужто когда-то (порой кажется, что еще вчера) она и дня не могла усидеть дома? Все старалась переделать как можно больше дел, чтобы вечером надеть свое самое красивое платье, вплести в длинные темные косы цветы и пойти на летнее гулянье. Там ждал бы ее Янок, с которым они бы бродили всю ночь до утра, а домой она вернулась бы счастливая, с распущенными спутанными волосами и в помятом платье...

Скривившись от резкой боли в спине, Рэйна тяжело оперлась рукой о лавку, что стояла сбоку от нее, и очень медленно поднялась. После чего положила ладони на спину и кое-как выпрямилась.

— Ух, — облегченно выдохнула женщина. — Все хуже и хуже с каждым днем. Не ровен час, и впрямь помру, не дождав-шись весны, — сипло прошептала она. — Надо бы хоть снадобья перебраться да начертать, что и по какой хвори принимать.

Привычка говорить с самой собой появилась у травницы не сразу. Но годы, что она провела в одиночестве, сказывались все сильнее. Особенно остро она ощутила, что совсем одна, когда стала реже покидать родной дом. А в тиши стен ей отчего-то начинало казаться, что она превращается из человека в часть интерьера. В нечто неодушевленное, ненужное и всеми забытое.

Из размышлений травницу вывел дробный стук в дверь. Рэйна невольно вздрогнула, сама не понимая, что ее так напугало, и медленно, прихрамывая на правую ногу, отправилась открывать.

Ее дрожащие пальцы отчего-то совершенно отказывались слушаться в это утро, но, кое-как совладав с необъяснимым страхом, она все же сумела отодвинуть засов и распахнуть дверь. Та жалобно скрипнула, когда порыв холодного ветра подхватил ее, вырывая из не слишком-то сильной хватки хозяйки, и обрушил на стену. Рэйна уже было потянулась, чтобы схватить ручку двери, как ее опередили.

Знахарка не сразу поняла, что происходит. Она подслеповато сощурилась, чтобы убедиться, что ей не кажется, как тонкое женское запястье легко прикрывает дверь. Травница медленно, несмело подняла взгляд и едва не закричала в ужасе, но вовремя заслонила дрожащей ладонью рот.

«Неужто сама смерть пришла ко мне?» — пронеслось в голове пожилой женщины.

Незнакомка, что в это утро появилась на пороге ее дома, и впрямь походила на смерть. Во всяком случае, именно такой ее и представляла себе Рэйна.

Высокая стройная фигура была затянута в черное длинное платье, что особенно нереально смотрелось в ореоле падающих с небес снежинок. Белоснежные локоны развевались на стылом ветру. Кожа ее была словно снег, а яркие алые губы казались измазанными в крови. Темные круги залегли под глазами, которые, будто две яркие звездочки, сверкали в предрасветной мгле.

— Не бойся, — сказала она. — Это я, Мара.

Не сразу женщина смогла понять, что ей сказала незнакомка, настолько поразила ее сама нереальность происходящего. Какой нормальный человек станет разгуливать в лютый мороз, что властвовал на севере Ирэми практически круглый год, в одном платье? Тем более в таком?! Да и внешность девушки была столь необычной, что даже у пожилой травницы перехватывало в груди, стоило лишь взглянуть на незнакомку. Она была необычной. Красивой и в то же время пугающей. На нее хотелось смотреть, восхищаться ею. Но отчего же тогда Рэйну так тянет спрятаться в самый дальний уголок дома, где странная незнакомка не смогла бы найти ее? Хотя где бы травница ни спряталась, от этой девы ей не скрыться. Она знала это, чувствовала на каком-то подсознательном уровне.

Когда же Рэйна осознала, каким именем представилась девушка, то едва смогла поверить в правдивость ее слов. Неужели эта невероятная гостья — та самая девочка, которую ей в свое время приходилось вытаскивать с того света каждую зиму? Разве так бывает?

— Д-дочь кузнеца? — кое-как проговорила травница.

— Да, — коротко ответила она.

И тут Рэйна поняла, что на улице не то что холодно — лютый мороз. А девушка — в одном легком платье!

— Заходи скорее! — засуетилась старушка, пропуская неожиданную гостью в дом.

Девушка буквально впорхнула в дом. Она шла, гордо неся себя, и не скажешь, что провела столько времени на морозе. Ее не трясло, казалось, что она вообще не чувствует холода. Но ее кожа была белее снега, а кончики волос покрыла изморозь.

— Я сделаю тебе отвар, — сказала женщина, направляясь к печи, на которой уже закипал чайник. — А ты не стой, девонь-

ка, проходи и садись к печке ближе. — Хоть Рэйну и снедало любопытство, что же привело девушку в их края, да еще в таком виде, что-то подсказывало ей, что с вопросами спешить не стоит. Не время.

Мара сидела на простой деревянной скамье несколько часов. Ее тонкие пальцы бережно сжимали давно уже остывший отвар, а взгляд упирался куда-то на дно кружки, что была в ее руках. Она молчала, а травница не пыталась начать разговор. Вместо этого старуха положила на колени пряжу грязно-серого цвета и начала сматывать нитки в клубок.

В какой-то момент девушка вздрогнула и резко выдохнула, словно вынырнула из омута собственных мыслей.

— Ты, должно быть, хочешь знать, почему я оказалась сегодня утром на твоём пороге? — холодно спросила она, не поднимая глаз на Рэйну.

— Почему оказалась, потому и оказалась. Коли есть такая нужда, то поделись, — сказала старуха, подкручивая грубую нить.

— Нужда? — задумчиво произнесла девушка, — Пожалуй, есть, — сделала она маленький глоток уже остывшего отвара. — С похорон я к тебе пришла. Знаешь чьих? — Мара одарила Рэйну равнодушным взглядом, от которого по спине травницы побежали мурашки. — Кима, — хмыкнула она и криво улыbnулась.

После этих слов Рэйне стало окончательно не по себе. А уж когда девушка начала свой рассказ, старуха и вовсе не знала, куда себя деть. Мара все говорила и говорила, пусть Рэйна с трудом понимала и половину того, о чем рассказывала гостя, но и того, что удалось понять, травнице хватило бы на всю оставшуюся короткую жизнь. Они (а точнее, Мара) проговорили до самых сумерек. Рэйна слушала и не могла найти в себе силы пошевелиться. Ей было и интересно, и грустно, и жутко от понимания того, кто перед ней сидит. И было очень жаль погибшего сына кузнеца. А еще она не понимала, что же делать с полученными знаниями.

— Что же теперь, девонька? — с замиранием сердца спросила старуха.

— Теперь... — глубоко вздохнула Мара. — Ухожу я теперь. Далеко ухожу. Но мне нужна помощь, Рэйна. Поможешь?

— Помогу. — У старухи не возникло ни единой мысли отказать, хотя и соглашаться ей хотелось не больше.

В густых предрассветных сумерках стройная девушка, которая за эту ночь превратилась в жгучую шатенку, вышла из дома пожилой травницы. А с первыми лучами солнца этот мир покинула и сама травница. Она просто решила прилечь после ухода странной гостьи. Проснуться ей было уже не суждено.

На север Ирэми пришла весна, слишком ранняя для этих мест.

ГЛАВА 1

Как же приятно пить холодный чай и радоваться солнечному дню. Темный напиток переливался янтарными бликами в белой чашке из тончайшего фарфора. Я сидела на открытой веранде, что примыкала к огромному особняку, уютно расположившемуся в самом центре сада. Вокруг поют птицы, солнышко путается в распущенных волосах, на мне — легкое белоснежное летнее платье. На плечи падает тень от зарослей дикого винограда, что вьется по плетню за моей спиной.

— Здорово, да? — раздается знакомый мужской голос.

— Ага, — легко соглашаюсь я и поворачиваюсь лицом к собеседнику.

Ким улыбается мне так открыто и весело, что и я не могу сдержать ответной улыбки. Он сидит напротив меня, одетый в белую легкую рубашу и просто скроенные льняные штаны. Вот только алый шарф, туго повязанный на шее, не слишком гармонирует с общей картиной.

— Чей это дом? — спрашиваю как бы невзначай.

— Мой, — отвечает он.

— Не знала, что у тебя есть дом, — задумчиво сказала я. — Когда ты его купил?

— Я и не покупал, — хмыкнул брат. — Мне его подарили.

— Подарили? Кто? И ты принял? — Вопрос рождается за вопросом.

— Ну, конечно, принял. А кто... Не помню, Эм, — задумчиво отвечает он, непроизвольно оттягивая шарф на шее, словно тот мешает ему дышать. — Угощайся, — тут же переключает он мое внимание на вазу с фруктами. — Сам собирал, — улыбается Ким, подвигая ее ближе ко мне.

Я даже отсюда чувствую, как дурманяще пахнут алые ябло-

ки, но стоит взглянуть на них, и их румяные бока начинают чернеть, а тонкая прозрачная шкурка сморщивается, покрываясь зеленой плесенью. И не чай налит у меня в чашке, а густая темная кровь.

Не скрывая ужаса во взгляде, смотрю на брата, а он, словно не замечая ничего, протягивает руку, берет одно из яблок и подносит его ко рту.

Хочу крикнуть ему, что это нельзя есть, но не могу издать ни звука.

Ким с удовольствием откусывает мякоть уже разлагающегося плода и переводит взгляд помутневших глаз на меня.

— Вот так и живу, Эм. А тебе пора вставать, — как бы между прочим произносит он.

— Ч-что? — пытаюсь переспросить я, но окружающий пейзаж вдруг подергивается дымкой, а меня выкидывает из сна, словно рыбу на берег.

Ртом хватая воздух, я пыталась отдышаться и прийти в себя. Сделать хотя бы один нормальный вдох казалось очень сложно. Спертый нагретый воздух чердака, где я сейчас находилась, делал эту задачу практически невозможной. На дворе была середина весны. Крыша таверны, в которой я жила уже добрых два с половиной месяца, за весь день нагревалась до невероятных температур. И несмотря на настежь распахнутое окно, спать на чердаке было практически невозможно. Мое тело покрылось липким холодным потом, белоснежная простыня была смята, а точнее, скаталась в один непонятный клубок. Но больше всего мне было не по себе из-за сна, который мучил меня уже не первую ночь подряд, заставляя вскакивать задолго до восхода солнца. Уснуть после пробуждения я уже давно не пыталась.

Каждую ночь я видела Кима. Иногда мне снилось детство, проведенное в Пограничье. Эти сны я любила, после них оставалось сладостное послевкусие с легким оттенком грусти. Но чаще я встречалась с ним в саду у огромного белоснежного особняка с коричневой крышей. За все это время он так и не пригласил меня внутрь. Думаю, оно и к лучшему. В Ирэми считается, что зайти в дом покойного означает скорую смерть. В это верила моя мать. Я же — нет. Ведь сны — всего лишь сны, так ведь?

Столько дней прошло с того утра, которое я встретила у костра в горах Пограничья... Тогда была страшная метель, и мне иногда кажется, что тот снег до сих пор кружит где-то глубоко у меня в душе. Вот даже сейчас, на улице жарко и душно, а я замерзла...

Вспоминая прошлое, я порой думаю, что и не со мной это было. Всего-то семнадцать лет мне было тогда, а ощущения такие, что за это время я прожила совершенно иную жизнь.

Из Пограничья я ушла ровно через сутки после похорон брата. Если бы не практичность, с которой подходила моя демоническая натура к любой ситуации, то ушла бы и раньше. Но, здраво рассудив, что в одном платье и вечерних туфельках далеко не уйдешь, я решила навеститься в деревню. Как я и ожидала, мой родной дом был пуст, а деловитая Нимария не оставила в избе ничего, кроме старого веника и дырявого ведра. Вспоминая тот момент, когда переступала порог родного дома, я до сих пор не могу понять, что со мной тогда происходило. Я знаю, как должен вести себя нормальный человек в такой момент: плакать, переживать... Ну хоть что-нибудь чувствовать! Я читала, как героини романов, возвращаясь в родные дома, где давно не были, потому как судьба-злодейка, не щадя, швыряла их по свету, трогали стены, вспоминая моменты радужного детства, плакали, опять вспоминали. Но ведь человеком я не была, может, потому и не чувствовала ничего? Зашла, осмотрелась, вышла, не найдя ничего, что могло бы мне пригодиться.

Решение пойти в дом травницы было неожиданным, но самым разумным. И не потому, что я испытывала к ней что-то, а потому, что была уверена: ей можно доверять. Все же ей не раз приходилось вытаскивать меня с того света. К тому же я часто помогала ей с травами, да и вообще, люди хорошо относятся к тем, кого им приходилось нянчить и спасать. И я не ошиблась. Правда, сначала Рэйна едва не потеряла сознание, узрев меня на пороге дома. Но все обошлось.

Травница впустила меня в дом, пыталась накормить, но к еде я так и не смогла прикоснуться. А затем что-то надломилось внутри, и я заговорила. Рассказала ей все, с того самого момента, как я и Ким покинули Пограничье. Она слушала и не перебивала, а потом, так же ни о чем не спрашивая, помогла мне собраться в дорогу. Поняв, что меня, скорее всего, будут искать, достала с одной из полок толченый корень какого-то

дерева, заставила намочить голову. После чего долго втирала порошок в волосы. Так я стала шатенкой.

Правда, не обошлось без сюрпризов. Мой натуральный цвет волос буквально сжигал краску, и ее приходилось наносить каждые четыре дня. Еще Рэйна остригла мои волосы где-то по лопатки, но они отросли до прежней длины за неделю. Потому теперь я стригла их постоянно.

Травница дала мне сапоги мехом наружу с плоской удобной подошвой, теплую куртку на заячьем меху, брюки, рубаху и несколько простых домотканых платьев. Не бог весь что, но без этих простых вещей мне было никак не обойтись. Рэйна уложила запасные вещи в заплечный мешок, добавила к ним нехитрые припасы и кое-что по мелочи. Я же аккуратно уложила туда свое красивое платье, чудом уцелевшее в эту ночь, и сумочку. Туфли пришлось выкинуть.

Уходя из Пограничья, я чувствовала, что за моей спиной закрывается плотная, невероятно тяжелая дверь. Дверь, за которой остался не только мой названный брат, но и любовь, молодость, счастье, радость. Что ждет меня впереди, я не знала. Я просто шла, по колено утопая в снегу, иногда проваливаясь по пояс. Но все равно продолжала упорно двигаться вперед. Не знаю, почему я решила уходить через лес. Возможно, подсознательно хотелось, чтобы мне было тяжело идти, жить, существовать. Казалось, что смерть Кима тяжелым камнем вины легла на мои плечи. Предательство и обман Дрэя удушливым грузом сдавили грудь, мешая дышать. Я чувствовала себя виноватой не только по отношению к брату, но и к женщине, что воспитала меня. Как я могла похоронить Кима, не сказав ей об этом? Самое ужасное, я не могла найти в себе силы отправиться в Карген, постучать в ее дверь и рассказать, что с нами произошло. Слишком пугало меня то, что пришлось бы увидеть в ее глазах. Малодушно, я знаю, но на подвиги сейчас я была не способна.

— Моя вина, моя вина, — бормотала я себе под нос, все дальше забираясь в снежные дебри северных лесов. Однажды я приду *куда-нибудь*, но сейчас я должна была *просто идти*. Хоть куда-то.

Три дня я плутала, не разбирая дороги, двигаясь по наитию, без сна и отдыха. Человек бы замерз, не выдержав такого перехода, но ведь я не была человеком. Сейчас мне все больше казалось, что меня нет. Есть тело, которое движется вперед,

преодолевая препятствия, а мое «я» сжалось в маленький комочек где-то на задворках сознания, умоляя не тревожить его, дать ему отдохнуть, забыться.

Дикие звери практически не встречались на моем пути. Словно предчувствуя, что такая добыча им не по зубам, они очень тихо обходили меня стороной. Но я слышала, как испуганно замирает волчье сердце, стоит чувствительному носу уловить мой запах. Как шуршат по рыхлому снегу десятки лап, стараясь как можно скорее миновать неожиданного чужака. Все это отмечалось мною на подсознательном уровне, улавливалось и откидывалось как нечто, не имеющее значения. Я шла вперед, не обращая внимания ни на что вокруг.

Иногда студеный ветер поднимал снежную бурю, так что даже с моим острым зрением не было видно ничего вокруг. Острые, словно маленькие иголки, снежинки впивались в обветренное лицо, проникали за меховой ворот куртки. Это ненадолго приводило меня в чувство, заставляя ежиться, осматриваться по сторонам. Но я вновь продолжала идти вперед. Не знаю, сколько еще я смогла бы так пройти, не обращая внимания ни на что вокруг, сосредоточившись на собственной боли утраты и мыслях. Думаю, довольно долго. Но вот как сильно это сломало бы меня, я не знаю. Мне необходима была встряска, которая вывела бы мой организм из странного оцепенения. Своеобразная пощечина судьбы, выбросившая меня в реальность из окутавшего разум забвения.

Как ни странно, но жизнь порой знает куда лучше нас самих, что нам необходимо в тот или иной момент. Так произошло и со мной. Третьи сутки моего путешествия приближались к концу. Картина вокруг оставалась неизменной. Куда ни глянь — белоснежный ковер, укрывающий землю. Ели-великаны, стоящие друг к другу так близко, что кажется, будто они поддерживают собратьев своими мохнатыми зелеными лапами. Меховые рукавицы и сапоги уже давно не спасают от всепроникающего холода. На небосклоне замер золотой кругляш морозного солнца, а сознание мое, кажется, уже начинает путаться. Вот я иду, иду, выбираясь из снежных сугробов, и так — без начала и без конца. Но вдруг что-то меняется, потому как я проваливаюсь в снег почти с головой и начинаю задыхаться.

Неловко перебираю ногами, пытаюсь вырваться из морозного плена, в то время как снег вокруг меня с какой-то явной

неохотой приходит в движение. И с каждой секундой начинает двигаться все активнее, пока в какой-то момент не взрывается яростным ослепительно-белым фонтаном, обнажая исполинских размеров хищника, дремавшего в берлоге в ожидании весны. Неистовый рев оглашает все вокруг, а я вижу, как надо мной, словно из ниоткуда, возвышается медведь. Его фигура заслоняет собой солнце, а я нахожусь так близко, что могу в мельчайших подробностях рассмотреть его темно-бурю шерсть, в которой застряли маленькие веточки и пожухлые листочки. Смотрю на него, словно со стороны наблюдаю за происходящим.

Должно быть, я так и продолжала бы смотреть, если бы в какой-то момент хищник не решил напасть. Огромных размеров когтистая лапа обрушилась мне на лицо, и я отлетела в сторону. Кожу обожгло, словно огнем, и я почувствовала, как что-то горячее и липкое начинает заливать шею. В глазах потемнело. Но именно боль привела меня в чувство. Вероятно, кости мои были на порядок крепче человеческих, потому я сильно не пострадала. Зато организм тут же переключился в режим нападения.

В считанные секунды скинув рукавицы и стесняющий движения заплечный мешок, я поднялась на ноги. Зверь тоже не терял времени, подбираясь ко мне все ближе.

Вот так, посреди заснеженного Северного леса, оказались мы лицом к лицу: медведь, пребывающий в ярости из-за того, что был потревожен, и изнывающий от голода демон, в своем роде тоже разбуженный от странной спячки. У каждого из оружия были лишь клыки, когти и свирепая сила дикой натуры. Схватка не была долгой. Зверь сделал прыжок по направлению ко мне. Я легко ушла из-под его когтей, оттолкнулась ногами от земли со всей силой, на которую была способна, и в то же мгновение оказалась на спине хищника. Мы оба рычали: зверь — в беспомощной ярости, когда мои руки сомкнулись на мощных челюстях и начали разводить их в стороны, я — от сладкого предвкушения чужой крови, столь будоражащей нервы. Зверь не мог сопротивляться долго, и когда сперва легкий щелчок выворачиваемой челюсти, а затем и хруст ломаемых костей достигли моего слуха, а огромный медведь как-то неожиданно обмяк и повалился на снег, я наконец поняла, что сотворила.

Зимний лес накрыла глухая тишина, в которой эхом раздавалось мое хриплое дыхание. Я сидела на коленях, привалившись боком к медведю, что совсем недавно мирно спал в своей берлоге в ожидании весны. Разве мог этот мохнатый великан подумать, что смерть придет к нему так внезапно и глупо. И придет она не по его вине, а по моей.

— Моя вина, — всхлипнула я, разрывая царящую тишину и впиваясь пальцами в бурю шерсть. — Прости меня, — прохрипела я и расплакалась так, как, наверное, не плакала с самого детства.

Слезы неиссякаемым ручьем текли по уже начавшим заживать от полученной раны щекам. Должно быть, именно поэтому кожу так жгло. А я все просила прощения. Не знаю, к кому я в тот момент обращалась больше — к Киму или к мишке, что недвижимо лежал рядом со мной. Но я все говорила и говорила. О том, как виновата, как хотела бы все исправить, как мне жаль, что все так получилось. В какой-то момент горло начало ощущимо саднить, и я стала шептать. Сколько времени прошло с тех пор, я не знала, но вокруг начало смеркаться. Закружился стройный хоровод снежинок, а мне вдруг так захотелось спать, что сил подняться или открыть отяжелевшие веки уже не было.

Это была первая ночь, когда я смогла уснуть, пусть даже под боком убитого мною же зверя...

Очнулась я как от толчка. Резко распахнув глаза, вдруг поняла, что мне тепло и уютно, хотя тело по пояс занесло снегом. Одним боком я как-то по-детски доверчиво продолжала прижиматься к зверю. Кругом царила тьма, но по внутренним часам я понимала, что часа через три уже рассветет. Несмотря на темноту я смогла отыскать не только свой мешок с вещами, но и рукавицы. После ночи, проведенной под боком у мертвого хищника, я, как это ни странно, чувствовала себя отдохнувшей. Мне стало гораздо легче. И уж не знаю, что тому было причиной, бой со зверем или истерика со слезами и завываниями на весь лес, но результат был очевиден. Я начинала приходить в себя.

Умывшись снегом и окончательно смахнув с себя сон, я пришла к выводу, что пора бы выбираться отсюда. Хватит уже, находилась. Да и, если честно, я просто хотела есть! Желудок жалобно заурчал, соглашаясь с моими мыслями.

Конечно, Рэйна дала мне с собой еды, но хлеб, скорее всего, теперь стал не мягче камня, а разогреть его или приготовить что-то другое не было никакой возможности. Во-первых, я решила, что магией пользоваться пока не стоит, потому что иначе вычислить меня для демонов или вампиров не составит особого труда. Во-вторых, разводить костер мне было просто лень, несмотря на голод. И, в-третьих, мне не терпелось вырваться из цепкой хватки леса с его однообразием, царившим вокруг.

Конечно, если мои поиски человеческого поселения не завершатся к полудню, то все равно придется развести костер и попытаться вспомнить, как готовить пищу самостоятельно. Как забавно: когда нужно заботиться о насущном, все прочие проблемы невольно отходят на второй план, уступая место каждодневным потребностям. Стоило мне подумать о том, что я хочу найти человеческое поселение, как разум словно распахнул на встречу окружающему миру. Сознание будто сорвалось в полет на поиски.

Уже через несколько минут я точно знала, куда мне идти. По моим подсчетам, ближайшее поселение находилось в полудневном переходе. Потому, не тратя времени на размышления, я отправилась в путь.

К полудню я добралась до тракта, ведущего к городу, а уже во второй половине дня вошла в городские ворота. Оказалось, что меня занесло в пограничный Тэймир, расположенный на северо-западе Ирэми. Основным занятием местных жителей была охота, а добываемый мех животных отправлялся на продажу по стране.

Город служил прибежищем для многих изгнанников, которым волею судьбы пришлось покинуть родные края. Но не только люди находили здесь приют: множество нелюдей стягивалось в Тэймир, ища лучшей доли или пытаясь скрыться от соотечественников. Одним словом, занесло меня как раз по назначению. Изгои притягиваются друг к другу, а Тэймир с радостью принимал тех, кто находится не в ладу с законом или собственной совестью.

В Ирэми об этом городе ходили дурные слухи. Еще в детстве отец рассказывал о нем как об обители «разбойников и нечестивцев». Детей пугали, что если они не будут слушаться, то рано или поздно окажутся именно здесь. Конечно, все было не столь драматично, но за Тэймиром закрепились слава опреде-

ленного толка. Жили здесь и вполне добропорядочные граждане, зарабатывающие на хлеб честным трудом. Но по существу город был предоставлен сам себе. Власть здесь носила чисто номинальный характер.

По размерам Тэймир превосходил даже Карген, но это не делало его более привлекательным местом для проживания простого народа. Город буквально пестрел разнообразием рас. Даже не могу предположить, что именно должны были совершить нелюди в своих родных краях, чтобы потом жить здесь, в человеческих землях, да еще и в такой глуши. Тем не менее я считала, что мне повезло, раз судьба привела меня именно сюда. В конце концов, случай бывает разный. Могла ли я подумать еще неделю назад, что сама подамся в бега? Конечно нет. Так как же я могу судить о других?

Все эти мысли блуждали в моей голове, а ноги несли меня вглубь города. Улицы были надежно укрыты снежной пелериной, отчего Тэймир казался необыкновенно чистым и даже сказочным. Вокруг меня суетились занятые своими заботами люди и нелюди. А я все шла, по-глупому рассматривая все вокруг, до тех пор пока моего обоняния не коснулся самый заворачивающий и привлекательный запах на свете. Так могло пахнуть только оно! Жареное мясо...

Тяжело сглотнув, я попыталась определить место, откуда исходил аромат. Получилось сразу. Прямо вдоль улицы наблюдалось легкое столпотворение. Люди галдели, весело смеялись и что-то живо обсуждали, а над их головами висела давно выцветшая вывеска «Три кабана». Несложно было догадаться, что впереди расположена таверна. Раньше мне не приходилось бывать в подобного рода заведениях. Мне они казались какими-то порочными, что ли? Не знаю, откуда взялось подобное предубеждение. Правда, сейчас мне было глубоко плевать. Я хотела есть, а остальное значения не имело. Потому недолго думая уверенной походкой я направилась напрямиком в гости к «свинкам».

Со стороны я походила на оборванку или отшельника-охотника, потому как вид у меня был диковатый. Сапоги мехом наружу, заячий полушубок с глубоким капюшоном, меховые рукавицы, мешок из грубой домотканой ткани на плечах. Несмотря на то что здесь царил зима, немногим менее суровая, чем та, к которой мы привыкли в Пограничье, сам воздух казался более мягким, отчего мороз не чувствовался столь

остро, как в моих родных краях. Люди в Тэймире носили более легкие одежды и позволяли себе ходить с непокрытой головой и некоторые другие вольности, о которых жителям севера оставалось только мечтать в ожидании весны.

Даже здесь, среди отверженных, я казалась чужой...

Подойдя к таверне, внешние двери которой были гостеприимно распахнуты, и не желая больше терять времени, я решительно вошла внутрь. За моей спиной осталась небольшая компания подвыпивших, но весьма довольных жизнью мужичков, которые весело обсуждали, какой славной выдалась последняя охота и насколько выгодно можно будет продать добытые шкуры на предстоящей ярмарке.

Обеденный зал таверны встретил меня одуряющими запахами свежеприготовленной пищи, теплом и ароматом дерева, которым были обиты стены. Необычные ощущения нахлынули на меня. Казалось, что не три дня я провела в холодном лесу, а несколько лет. И сейчас находиться под крышей человеческого жилища было и странно, и приятно одновременно. Недолго думая я устало присела за первый попавшийся свободный стол и расслабленно откинулась на спинку стула. Мешок с пожитками притулился у ножки стула.

Скинув с головы капюшон, я вяло начала осматривать собравшуюся под сводами таверны публику. Были здесь и эльфы, которые что-то яростно доказывали двум гномам, сидящим напротив них и с удовольствием припадающим губами к пухлым кружкам с элем, и люди, свободно общающиеся с оборотнями, обсуждая предстоящую охоту, и даже несколько драконов, хмуро вззирающих на собравшихся. Чем дольше я смотрела по сторонам, тем удивительнее казалось мне это место.

Я так привыкла к расовому неравенству, что царило в стенах МАМ, что теперь, глядя на то, как шутливо человеческий мужчина хлопает по спине вампира, отпуская при этом довольно скабресную шутку, чувствовала, как земля уходит из-под ног. Перед глазами стояла картина, как сломанной куклой тело брата падает на деревянный пол. Как стекает густая темная капля с уголка губ рыжеволосой женщины, набухает, тяжелеет и камнем срывается вниз.

— Заказывать будем или как? — Грубоватый женский голос вывел меня из размышлений, заставляя ослабить хватку, с которой пальцы сомкнулись на деревянной столешнице.

— Да, поесть, и побыстрее, — не слишком-то учтиво ответила я.

— А конкретнее?

— А что, выбор столь велик? — Отчего-то быть вежливой не хотелось совершенно.

— Ясно. — Дама оказалась понятливой и, судя по всему, привыкшей к выкрутасам местных завсегдатаев. Она уже было развернулась, как я вспомнила то, о чем собиралась узнать в первую очередь.

— Комнаты есть?

— Пока да, но уже к вечеру не будет, — столь же «учтиво» ответила она. — Скоро открытие ярмарки, народу ожидается много и...

— Мне нужна комната, — не дожидаясь продолжения ее рассказа, перебила я разносчицу.

Женщине было далеко за тридцать, вид она имела весьма измученный и уставший. Но так выглядят не те, кто привык к тяжелому труду, а скорее те, кто устает просто жить. Пустой взгляд карих глаз смотрел безразлично и словно сквозь меня. Тусклые волосы выбивались из неаккуратного пучка, а не слишком чистое платье лишь дополняло картину.

— Так подойди к Торрису и заплати, — буркнула женщина и пошла заниматься заказом.

Торрис, хозяин таверны «Три кабана», был полноватым мужчиной средних лет с невероятно пышными усами, которые, вероятно, расценивались им как предмет особой гордости. Во время нашего с ним разговора он постоянно поглаживал их кончиками пальцев и подкручивал.

— Надолго планируешь здесь остановиться? — внимательно осмотрев меня с ног до головы, спросил он. — Если на один вечер, то сразу говорю: комнату не сдам.

— Думаю, что неделю точно пробуду. — Я действительно полагала, что задержусь в этом городе отступников не больше чем на неделю.

Хозяин таверны назвал цену, я, особо не торгуясь и понимая, что в предпраздничные дни жилья дешевле мне просто не найти, выложила необходимую сумму. Получила заветный ключ от комнаты и отправилась дожидаться, когда мне принесут заказанный обед. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что мое место уже занято!

Он сидел спиной ко мне, расслабленно откинувшись на

спинку стула. Еще мгновение назад точно так же сидела я. На нем была куртка из темной кожи и высокие сапоги, волосы скрывал глубокий капюшон. Вещи на незнакомце были весьма добротные и дорогие, уж что-что, но определить стоимость одежды я была в состоянии. Руки он свел в замок и положил перед собой. Пальцы казались странными — длинными и изящными, но в то же время какими-то большими, что ли. Да и вообще мужчина казался гораздо крупнее, чем многие из присутствующих. Даже не знаю, как описать свои ощущения. Передо мной был стопроцентный человек, не маг, но в то же время человеком он не был... Или все же был? Окончательно запутавшись и откинув малейшие сомнения, я решила отвоевать свое место. Время шло к вечеру, и найти свободный стол сейчас было не то что сложно, а невероятно сложно!

Обойдя незнакомца со спины, я встала сбоку от него так, что мне теперь был виден его профиль. Без прикрас, я могла бы назвать его одним словом «идеальный». Точеные правильные черты лица, широкие скулы и волевой подбородок. Лицо этого человека было и красивым, и суровым одновременно. Глядя на него, я испытала смешанное чувство неловкости и восхищения и неожиданно поймала себя на мысли, что мне нравится просто смотреть на него. Заготовленную речь я совершенно забыла.

Его кожа в тусклом свете таверны казалась белоснежной, а глаза — цвета золота. В них словно плясали искры огня. Но вот незнакомец, почувствовав мой пристальный взгляд, вздрогнул и прямо посмотрел на меня. И вновь мне почудилось, что реальность куда-то уплывает, а я с головой тону в золоте его глаз, которые то ли из-за освещения, то ли волей моего воображения вдруг становятся просто светло-карими.

— Это мое место, — не слишком уверенно практически прошептала я.

Незнакомец сначала несколько непонимающе посмотрел на меня, потом взгляд его светло-карих глаз приобрел ироничный оттенок, а темная бровь вопросительно изогнулась.

— Правда? — В голосе была легкая хрипотца, но даже она не смогла скрыть насмешливой интонации.

— Да, — уже более уверенно начала я, не в силах перестать смотреть на него. Его глаза притягивали, заставляя думать о чем угодно, кроме того, о чем следовало бы. — Я уже сделала

заказ и отходила оплатить комнату. Даже вещи свои здесь оставила, — обличающе указала я пальцем на свой мешок, сиротливо продолжавший дожидаться свою хозяйку у ножки стула, что стоял рядом с тем, который занял мужчина.

— Что ж, я не против компании. — Незнакомец широко улыбнулся, а у меня перехватило дыхание от его такой открытой, по-детски чистой улыбки. Его лицо тоже преобразилось и стало необычайно притягательным, по-мужски обаятельным. Взгляд казался теплым, словно янтарь на солнце.

Что-то странное происходило со мной в этот момент. Вся моя боль и смятение будто бы отступили. Но в то же время в душе я противилась происходящему, говоря себе, что так быть не должно! Столь непостижимо влиял на меня этот совершенно незнакомый мужчина, заставляя бояться его, испытывая странный, неуместный в моем положении трепет, с замиранием сердца всматриваться в суровые и притягательные черты лица. Что-то было в нем такое...

— Ну так что? Присоединишься? — шутливо спросил он.

— А у меня есть выбор? — несколько грубовато ответила я, хотя сделала это скорее из-за внутреннего противоречия, нежели из-за того, что мне на самом деле была неприятна его компания.

Обойдя стол, я села напротив и молча уставилась в стену. Интерьер таверны «Три кабана» можно было бы назвать забавным, этакая смесь охотничьего домика, судя по количеству чучел животных, что были призваны украсить собой стены заведения, и музыкального салона, который каким-то чудом угадывался в дорогом и очень старом фоне, что притаилось в самом темном углу, и бархатных занавесках на окнах. Здесь было тепло, вкусно пахло едой, а собравшаяся публика была весьма благодушной, по крайней мере, на вид.

Наконец принесли мой заказ, а вместе с ним — и заказ соседа напротив.

Когда речь заходила о еде, особенной стеснительностью я не отличалась. Потому без лишних раздумий я просто набросилась на предложенное угощение. Сперва я даже не ощущала вкуса того, что ела, так сильно была голодна. Казалось, если помедлить хотя бы секунду, то желудок просто свернется в тугую спираль.

— Люблю, когда у девушки отменный аппетит, — хмыкнул кто-то напротив меня.

Признаюсь, на какое-то мгновение я буквально выпала из реальности. Верно говорят на севере: «Голод — единственная истина мира». Сейчас эта народная мудрость была для меня понятна как никогда прежде.

— Лучше смотри в свою тарелку, — рыкнула я, не поднимая глаз.

— Как грубо. — И вновь насмешливые нотки в голосе, правда, сейчас они довольно сильно раздражали.

— От меня вообще не стоит ждать любезности, — пробурчала я, поглощая жаркое.

— Учту, — хмыкнул мой сосед, кладя на стол несколько монет, на которые можно было накормить еще несколько человек.

— Это что? — Его действия заставили меня оторваться от собственной трапезы.

— Могу я угостить ужином симпатичную голодную незнакомку, — нахально улыбнулся он.

— Нет, не можешь, — упрямо заявила я. — Я в состоянии заплатить за еду и не собираюсь принимать деньги от незнакомого мужчины!

— Лео.

— Что? — не сразу поняла я.

— Лео, — повторил он, поднимаясь из-за стола. — Теперь ты меня знаешь, — не дожидаясь моего ответа, он направился к выходу. А я продолжала глупо смотреть ему вслед, не в силах найти ни одного подходящего случаю слова. Хотя одно все же вертелось на языке, правда, приличным назвать его можно было, только если употребить по отношению к мелкому рога-тому скоту.

Стоило незнакомцу, точнее, уже знакомому, скрыться за дверями таверны, как в тот же миг рядом с моим столом оказался хозяин. На центр стола упало еще с десятков монет.

— Так бы и сказала, что подруга Лео, — недовольно пробурчал он. — Обед за счет заведения. И вот, — указал он взглядом на монеты, — скидка за аренду комнаты.

В немом изумлении я переводила взгляд с монет на хозяина таверны и обратно. Слов не было. Деньги брать в кои-то веки не хотелось вовсе. Что-то со мной не то...

ГЛАВА 2

— Красиво, да? — Родной голос режет душу на части, хотя мне и непонятно почему.

В Пограничье царит лето. Моя самая любимая пора, когда природа пробуждается от долгого сна. Время цветения и жизни. Пробиваются из-под, казалось бы, мертвой земли молодые побеги изумрудно-зеленой травы, птицы выводят дивные трели, а небо над головой такое голубое, что буквально сливается с прозрачной гладью озера Ома. Вот и сейчас, стоя на отвесном берегу и смотря вдаль, я не могу понять, где же кончается небо и начинается водная гладь.

— Да, словно небо утонуло в водах Ома, — отвечаю я, продолжая всматриваться в даль.

— Не смотри так далеко, — небрежно замечает Ким, садясь у моих ног.

— Почему?

— Глаза разболятся, — смеется он, прижимаясь головой к моему бедру. — Ты всегда смотришь вдаль вместо того, чтобы просто посмотреть вниз.

— Ты это о чем? — Его философские нравоучения всегда заставляют меня смеяться.

— Мысли о будущем делают тебе больно, мысли о прошлом тоже заставляют тебя страдать, так может, имеет смысл думать о настоящем? — вопрошает он, а я опускаю глаза, чтобы посмотреть на брата. Мое сердце падает куда-то вниз, а в душе все обрывается, ведь взгляд мой упирается в два черных провала на мертвенно-бледном лице. Ветер играет с его волнистыми, но такими блеклыми волосами, солнце отражается на их кончиках, а Ким улыбается мне. И тем страшнее становится смотреть в бездну его глаз.

Солнце еще даже не показалось на горизонте, когда меня словно неведомой силой вытолкнуло из сна. Это был первый раз, когда мне приснился брат. Первый раз, когда мне пришлось ночевать в таверне «Три кабана», первый раз, когда щупальца страха обвили мое сердце во сне.

Мне досталась небольшая комнатуха под самой крышей. Тогда я еще не знала, что она будет служить мне домом на ближайшие месяцы. Сейчас я просто пыталась совладать со сбившимся дыханием и неконтролируемым потоком слез. Неболь-

шой отдых помог выйти из оцепенения, что поселилось в душе, а вместе с тем научиться справляться с бушевавшими внутри меня эмоциями. Одно наслаивалось на другое. Потеря брата, предательство дракона... Потом начали вскрываться «раны-мысли» о матери, об отце, братьях, о происхождении... Мысль о Каа'Лиме заставила меня перевернуться на живот и уткнуться лицом в подушку, чтобы хоть как-то приглушить раздиравшие грудь рыдания. Мой дэйург пропал. Я совершенно не могла докричаться до него! Не могла почувствовать его, как раньше. Именно в тот момент, когда я поняла это, пришло осознание: теперь я совершенно одна. После того что я сотворила с дочерью повелителя вампиров, я не могла обратиться за помощью ни к кому, даже к Орэну и Тарию. К первому — потому что не стану так его подставлять, а ко второму — по той же причине и еще потому, что даже Тарий не сможет противостоять своему повелителю. У вампиров в данном случае не может быть свободы выбора. Слово повелителя — закон.

Как бы там ни было, сейчас следовало привыкать к тому, что я теперь одна. Первые несколько дней в Тэймире я провела на чердаке, а точнее, в снятой мною каморке. Лежать на скрипучей кушетке и глядеть в потолок было единственным, чего я хотела. Все мои стремления, тяга к жизни остались где-то далеко, в стенах МАМ. Днем меня не отпускали воспоминания о прошлом. Перед глазами вставало Пограничье, детство. Казалось, что, несмотря на болезни, счастливее времени не было в моей жизни. Любящие мать и отец, родной дом, такой уютный; Ким, что считает меня родной сестрой и самым близким человеком на свете. Наши шалости, казавшиеся настоящими приключениями, полными опасностей.

Потом перед глазами вставал совершенно другой образ. Волосы, алые, будто кровь, и глаза, такие темные, что можно утонуть в той бездне, которая таится на их дне. И как же сильно в такие моменты мне хотелось почувствовать тепло его рук, услышать его голос, который скажет, что все хорошо, и пообещает забрать боль, притаившуюся в сердце. Но вот на смену тоске приходит ярость, которая затмевает собой все прочие чувства. Наверное, будь он рядом, я не смогла бы себя контролировать.

«Ненавижу», — рычит демон, царапая когтями деревянный пол комнаты на чердаке. И вновь приходит беспамятство. Сон принимает сознание в свои заботливые объятия, постепенно

сменяющиеся железной хваткой кошмара, страшнее которого может быть лишь реальность.

С тех самых пор Ким приходил ко мне каждую ночь. Какие-то сны о нем я помнила хорошо и ярко, другие же просто исчезали в предраассветной дымке, оставляя лишь горькое послевкусие и чувство того, что брат до сих пор где-то рядом.

Не могу сказать точно, сколько дней провела я на чердаке таверны, но вывел меня из этого состояния мой самый верный друг, который помогал мне не забывать о том, что я еще жива, — голод. Подниматься с постели не хотелось, но мысли о еде все же пересилили. Наскоро одевшись, я решила причесаться, поскольку волосы на голове сильно походили на воронье гнездо. Именно тогда я поняла, что не все так просто в этой жизни беглеца... Краска Рэйны практически исчезла. Волосы казались дымчато-серыми, с проблесками серебристой седины. Одним словом, «ведьма обыкновенная, одна штука». Накинув на голову капюшон, я спустилась на первый этаж и попросила натаскать мне в комнату горячей воды. Привыкать к тому, что в нашем мире водопровод — это большая редкость, оказалось весьма затруднительно. Вдоволь наплескавшись в тесной лохани, я втерла зеленую кашицу из трав в волосы.

Окрашивание происходило трудно и долго. Во-первых, никак не удавалось распределить смесь равномерно, во-вторых, травка постоянно осыпалась и скатывалась комочками. Да и вообще, мне явно необходимо было что-то помощнее, чем это простое средство.

— На ярмарку собралась, а? — ни с того ни с сего заговорила со мной та самая женщина-разносчица, что обслуживала меня в первый день моего пребывания в Тэймире.

Сейчас она выглядела куда более прилично и опрятно, даже улыбка на ее лице, словно дорогой торжественный костюм, сердечно лелеемый хозяином за створками тяжелого платяного шкафа и надеваемый лишь в исключительных случаях, смотрелась как-то празднично. «Ей идет улыбаться», — заметила я про себя, а сама решила уточнить, о чем говорит эта женщина.

— Ярмарку? — переспросила я, склоняя ее к разговору.

Женщина улыбнулась еще шире, в глазах появился какой-то мечтательный блеск, и тут случилось то, чего я совершенно не ожидала, а с последствиями случившегося была

справиться не в состоянии. Разносчица буквально осыпала меня нескончаемым потоком слов.

— Ах, ну да, ты же не местная. Сегодня на площади состоится торжественное открытие Тэймирской ярмарки, которая проводится каждый год. Ты даже не представляешь, какое это зрелище, ведь организуют ее нелюди! Артисты, потешные огни, танцы, музыка, веселье! Если бы ты хоть раз видела это, то уж точно не смогла бы забыть! Сюда стекается такое количество народа со всей округи! Люди, нелюди, кого только не будет! А торговые ряды?! На Тэймирской ярмарке можно купить и достать все что угодно! И даже то, что запрещено, — уже шепотом добавила она, подмигнув накрашенным яркими лиловыми тенями глазом. — И только в это время года у каждой девушки Тэймира появляется реальный шанс на веки вечные свалить из этого городишки! Знаешь, как меня достали эти потные мужики, которые каждый вечер хлебуют вонючее пиво в нашей таверне! Разве не достойна я большего? Ох какая из меня вышла бы купчиха!

Разносчица распалаясь все больше и больше, казалось, еще немного — и она просто даст мне по голове подносом, которым сейчас активно размахивала в воздухе, чтобы я лучше представила, какое же это чудесное место — Тэймирская ярмарка.

— Р-р-рита! — спас меня зычный голос Торриса, что громом прогремел из другого конца обеденного зала. — А ну работать!

Женщина несколько побледнела, пробормотала что-то вроде: «Сходи, не пожалеешь», — и умчалась в сторону кухни.

Идти на ярмарку, будь она хоть трижды самым грандиозным событием в жизни города, не хотелось совершенно. Но мне нужна была краска для волос и кое-что из одежды, ведь скоро весна, а весь мой гардероб остался в МАМ. Как ни крути, а такая ярмарка предоставляет возможность купить вещи по сносной цене. И потом, необходимо осмотреть город. В конце концов, мои маленькие сбережения потихоньку тают и скоро мне придется искать работу.

«Работу?!» — последняя мысль могла вызвать лишь улыбку на лице. Какую работу, если то, что я умею делать, никому в этом городе нельзя показать! Какую работу может найти незамужняя девушка, которая путешествует в одиночестве в том возрасте, когда нормальные родители с родной кровиночки

глаз не должны спускать. Такую растерянность я испытывала впервые, когда не знаешь, что делать и как дальше жить. Ведь вроде бы и многое умеешь, и много от природы дано, а как себя проявить в реальной жизни — непонятно. Как заработать на кусок хлеба, если каждый день тебе этот самый кусок кто-то приносил и никогда не приходилось интересоваться, откуда его берут? Взгляд невольно задержался на преобразившейся в честь праздника разносчице. Может, и мне в прислуги пойти? Я тут же отбросила эту мысль. И дело было не в том, что работу я считала недостойной. Вовсе нет. Но вот только что будет с отчаянным посетителем, которому взбредет в голову шлепнуть меня по задку? Думаю, вилка войдет ему в глаз даже раньше, чем я осознаю произошедшее. Нет, надо смотреть на вещи здраво. С моей неуравновешенной психикой работа должна быть либо спокойной, либо такой, где можно выпустить пар. Ну не в вышибалы же идти?! Хотя я бы смогла...

— К демонам все это, — прошипела я, бросив на стол несколько монет, и решительным шагом направилась на улицу.

Свежий морозный воздух взбодрил и придал какой-то непонятной уверенности, что все обязательно будет хорошо. В конце концов, если нет возможности заработать, кто сказал, что нельзя украсть. Глупая мысль о подобном добывании средств к существованию была немедленно задвинута на задворки сознания, как вариант на *самый* крайний случай. Воровать мне казалось недостойным и крайне унижительным занятием. Все же воспитывали меня совсем не так, и сейчас я к подобному была просто не готова. Просто не дошла до той степени отчаяния, когда другого выхода не видишь.

Город за те несколько дней, что я провела на чердаке, преобразился. Бурлила жизнь на заснеженных улицах, яркие украшения и гирлянды расцвели витрины магазинов; люди, уставшие от зимы и однообразия, покинули родные стены и выбрались наружу в поисках праздника. А главная площадь Тэймира вообще походила на невероятных размеров торжище, где можно найти все, что только душе угодно. Ежегодная ярмарка раскинулась, казалось бы, на всех центральных улицах города, а сердцем ее была та самая площадь. Разного вида люд сновал от одного прилавка к другому, кто-то смотрел представления, что устраивали заезжие артисты, кто-то дивился на товары из соседних государств.

Я шла вдоль улицы, стараясь особо не выглядывать из-под опущенного капюшона. Хотя Тэймир и находился совершенно на другом конце страны, но кто готов поручиться, что меня не будут искать даже в самых отдаленных уголках Ирэми. Тем более вампиров в городе было немало. Откуда мне знать, может, и не изгнанники они вовсе, а обосновались здесь, потому что так кормиться удобней. Тарий рассказывал, что в их стране живет достаточное количество людей, но кровь у них можно забирать не чаще чем два раза в месяц и только у тех, кто достигли совершеннолетия. Это считалось нормальным, потому как люди взращивались с мыслью, что их гражданский долг — помогать вампирам. Взамен человечество получало блага цивилизации. В какой-то степени это был такой же налог, который привыкли платить все жители Ирэми своему королю, только с той лишь разницей, что у вампиров подати были кровавыми. Но для каждого вампира приходило время полового созревания, а стало быть, и определенной нестабильности. Точнее говоря, кровожадности. Но кто добровольно согласится отдать на убой своих собственных, здоровых и ухоженных, овец? Вот и вампиры берегли свое стадо, отправляя молодняк во внешний мир до полного созревания. Выжил — значит, молодец, сумел прокормиться; умер — тоже не беда, слабых быть не должно. И если человек убивал вампира в целях самообороны, то в Ирэми это считалось законным. Преследованиям и гонениям он не подвергался. Правда, случалось подобное крайне редко. Но, как бы то ни было, молодых вампиров часто можно было встретить на просторах нашей страны. Жили они в основном в городах и большую часть времени прекрасно владели собой. Приступы безумия случались у каждого по-разному. Кто-то в такие моменты старался убраться подальше от людей, кто-то же, наоборот, открыто выходил на охоту. Но вампир не демон, его безумие гасло так же быстро, как и возникало. Стоило насытиться — и он уже приходил в себя.

Как говорится, у страха глаза велики. Вот и мне казалось, что каждый встреченный мною вампир — это непременно посланный повелителем убийца или охотник, целью которого являюсь именно я. Ну конечно, разве может вампир прийти на ярмарку просто так?

В какой-то момент мне показалось, что за мной следят. Я даже вошла в узкую щель между двумя близко расположен-

ными домами, чтобы скрыться от преследователей, которыми оказалась влюбленная парочка подростков, спешащих на представление, что начиналось на центральной площади. Когда я это поняла, выяснилось, что втиснулась в щель я очень хорошо, но вот чтобы вылезти из нее, моих сил было явно недостаточно. Не пробивать же стену соседнего дома, чтобы освободиться? Вряд ли такой маневр останется незамеченным.

Вот так моя паранойя загнала меня в самый что ни на есть угол! Люди продолжали слоняться вдоль улицы, упорно не замечая застрявшую меня. А я так же упорно не желала звать кого-либо из них на помощь. Ну стыдно мне было, если честно. Хотя я сильно подозревала, что просиди я тут еще несколько часов — и мне будет уже совершенно наплевать и на стыд, и на то, что обо мне подумают.

Где-то через полчаса моего сидения в заточении с неба начал падать снег. Маленькие снежинки медленно кружились в воздухе, приводя в восторг гуляющую детвору и делая облик города еще более сказочным. Только вот начавшийся снегопад уменьшал мои шансы быть случайно замеченной. Мой серый заячий полушубок с капюшоном и так служил отличной маскировкой, а тут еще и снег! Нет, с этим надо было что-то делать. Собрав всю волю и терпение в кулак, я начала отчаянно тереться всем телом о стены, отчего-то решив, что если буду дергаться, то непременно продвинусь вперед. Кто же знал, что так можно «втереться» еще глубже?! Капюшон сильнее съехал на глаза, закрыв весь обзор. Кое-как изловчившись, я начала встряхивать головой, как молодая беспокойная кобыла, готовая взять старт. Где-то с пятой попытки капюшон все же поддался и упал на плечи. В этот момент я совершенно точно поняла: еще немного — и стену я все же вышибу. А там будь что будет!

Сделав глубокий вдох и прикрыв глаза, я досчитала до десяти.

«Да, голубушка, только ты умеешь так по-глупому вляпываться! Демоница! Владычица! Клуша ты застрявшая!» — ругала я саму себя.

Открыв глаза, я на мгновение будто выпала из реальности. Он смотрел прямо на меня. Стоял на другой стороне улицы, одетый все в ту же куртку, тот же капюшон скрывал его волосы. Взгляд его словно проникал в самую душу. На лице Лео сначала не отражалось ни тени эмоции, но вот он подозритель-

но сощурился и наклонил голову, всматриваясь еще пристальнее. По лицу пробежала тень узнавания, и наглая ухмылка коснулась идеально очерченных губ.

Он смотрел на меня, и казалось, что его не слишком-то заинтересовала ситуация, в которой я нахожусь. Все, что этот человек позволил себе, — легкая усмешка. И вновь совершенно непроницаемое лицо. А глаза неотрывно продолжают следить за мной. Глаза, у которых нет дна, но в которых все отчетливее загораются странные искорки. Но вот очередной порыв ветра подхватывает целую россыпь белоснежных снежинок, закручивая их в причудливом вихре, который на мгновение скрывает его от моего взгляда. А уже через секунду я в полном недоумении пытаюсь понять, куда же он испарился. На месте, где только что стоял этот странный человек, уже никого нет. Лишь прохожие продолжают все так же беззаботно слоняться по улицам города, не замечая его невольной пленницы.

«Что ж, похоже, сидеть мне тут аккуратно до темноты, а потом выламываю стену и...»

— Привет, — немного хриплый мужской голос ворвался в круговорот отнюдь нерадостных размышлений, что царили в этот момент в моей голове. И было в этом «привет» столько жизнерадостности, какой-то дружественной непосредственности, что сперва я даже не поняла, к кому конкретно обращается говоривший. Вроде и встал этот мужчина так, что заслонил собой проход. Вроде бы и ко мне лицом стоит, но столько в голосе радостных интонаций, совершенно не сочетающихся с окружающей меня действительностью...

— Как дела? — столь же легкомысленно поинтересовался Лео, расслабленно привалившись плечом к стене так, что мне стал виден небольшой кусочек улицы.

— Привет, — с совершенно независимым видом ответила я, стараясь подражать интонациям собеседника. Отчего-то не слишком хотелось, чтобы именно этот мужчина видел меня в подобном положении. Неуместное смущение, что зародилось внутри, вылилось наружу совершенно нелепым радостным смешком. — Все хорошо. А ты как? — сказала и машинально попыталась скопировать позу собеседника и опереться о соседнюю стену. Маневр оказался неудачным. Куртка нелепейшим образом задралась, а мех на воротнике встопорщился и начал некстати щекотать чувствительную кожу лица.

— О, у меня тоже все путем, — беззаботно отозвался он, с непроницаемым видом продолжая следить за моим «позором». — Вот, вышел посмотреть, что стоящего в этом году продают. Может, что понравится. Хотя, — доверительно зашептал он, — чтобы покупать что-то на местной ярмарке, нужно иметь неплохую сноровку по части того, как сбивать спесь с продавцов. Ну и, конечно, ворья здесь бродит столько, что только успевай по слишком шустрым рукам давать. А ты чего? — «непонимающе» посмотрел он на меня.

— Гуляю, — сжав зубы, пробормотала я. Уж больно красноречивым стал в этот момент его взгляд.

— Мм, — кивнул он, — понимаю, уж больно хороший вид здесь открывается.

— Да, вид и впрямь неплохой, — согласилась я.

— Если хочешь, могу показать тебе еще пару мест, откуда наблюдать за жизнью города будет столь же увлекательно, — позволив себе легкую ухмылку, предложил он. Возможно, спроси он это другим тоном, не столь нахальным и многообещающим, я бы согласилась. Бездна меня побери, я бы закричала: «Да!» — и всеми силами попыталась бы протиснуть к нему поближе руку, как и положено благородной даме! Но! Это было сказано с таким выражением во взгляде, что будь у стен, между которыми я застряла, уши и глаза, то первые, несомненно, покраснели бы, а вторые — закатились!

— Спасибо, мне и отсюда неплохо видно, — с царственным достоинством отозвалась я, стараясь не поддаться искушению и не потереться лицом о кирпичную кладку, чтобы избавиться от желания почесать нос и губы.

— Ну как знаешь. — Беззаботно пожав плечами, он практически повернулся ко мне спиной, собираясь уйти. — Но ты конечно же в курсе, что в нашем городе вечером на каждое здание накладывается сигнальная сеть? — Лео выразительно посмотрел на меня, ожидая какой-то определенной реакции, но, так и не дождавшись оной, продолжил: — Поскольку городок у нас беспокойный, то и сигналки... определенного типа... — все еще надеясь на мою сообразительность, он сделал паузу.

«Сообразительность» дремала и велела ее не беспокоить, потому, глубоко вздохнув, он все же пояснил:

— Будешь прижиматься к чужой лавке слишком близко, тебя нашинкует тонкими ломтиками.

Слова сорвались с моих губ прежде, чем я смогла до конца осознать сказанное им.

— Может, подашь мне руку? Прогуляемся, да и город посмотрим? — неожиданно кокетливо пролепетала я.

Лучи заходящего солнца едва пробивались сквозь щель между плотными бордовыми занавесками. Эдриан вошел в комнату, неслышно ступая по темным полам. Его платиновые волосы были забраны в хвост. На повелителе вампиров был неброский дорожный костюм темно-коричневого цвета. Эдриан пришел сюда скорее по недавно возникшей привычке, нежели потому, что ожидал увидеть какие-то изменения. Взгляд сам собой упал в угол комнаты, который для человеческого глаза показался бы непроницаемо темным. Но Эдриан не был человеком. И он видел ту, что некогда была его дочерью. Миновало чуть больше недели с того момента, как в его дом пришло несчастье, с которым даже великий и всемогущий повелитель вампиров был не в состоянии справиться. Его младшая дочь, первая красавица двора, превратилась в некое подобие разумного существа. Сейчас она сидела в самом темном углу, поджав под себя ноги и покачиваясь в такт одной ей слышной мелодии. У девушки, несмотря на то, что ее ежедневно причесывали, умывали и одевали, на голове был невообразимый колтун из грязно-рыжих прядей, а совершенно новое и чистое платье, которое надели на нее утром, напоминало лохмотья. Некогда сочные губы были потрескавшимися и сухими. Фрида что-то неразборчиво бормотала или напевала, Эдриан не мог этого понять, даже имея прекрасный слух.

— Если бы ты могла рассказать мне, что произошло, — прошептал он себе под нос. И едва смог увернуться, когда одним стремительным движением к нему кинулась собственная дочь. Обернувшись, он даже несколько растерялся, увидев, как Фрида беззаботно лежит на диване и болтает в воздухе босыми ногами. Эдриан прожил не одну сотню лет, он видел такое, от чего многие бы просто поседели. Но улыбка собственной дочери впервые за долгие годы заставила его сердце учащенно биться.

— Па, — засмеявшись, игриво спросила Фрида, — это ты?

— Я, — коротко ответил он.

— А я знаю, что это ты, — еще громче захохотала она.

Губы Эдриана скривила горькая ухмылка. Каким бы ни было его отношение к Фриде, но она оставалась его ребенком. Он бы предпочел видеть ее мертвой, нежели такой. Но лишить ее жизни *сейчас* он не мог. Кровная месть не совершена.

— Кто же сделал это с тобой... — одними губами прошептал повелитель.

Но Фрида, словно расслышав его вопрос, резко обернулась и пристально посмотрела на отца, выпуская клыки.

— Она что-то сломала у меня внутри, — быстро зашептала девушка, — я не знаю, как, но она сломала меня. Не могу вспомнить, не могу сказать, мысли — их нет! У всех есть, а у меня ничего нет! — С каждым словом Фрида распалялась все больше, нанося удар за ударом раскрытой ладонью по своей голове. От этих ударов на коже вампирши появлялись все новые и новые кровоподтеки, которые стремительно исчезали уже через несколько секунд. — Знаешь, как мне страшно? Знаешь? — На какой-то миг она замолчала, после чего вновь засмеялась и упала на диван. — Котеночка хочу, пап, — захныкала она. — Принесешь?

— Конечно, — глубоко вздохнув, сказал Эдриан и стремительным шагом покинул комнату дочери.

Последнее время повелитель появлялся во дворце лишь вечерами и отнюдь не для того, чтобы отдохнуть. Спал он за прошедшую неделю в общей сложности чуть больше суток, отдавая все возможное время на прояснение ситуации, что произошла с его дочерью в МАМ. Эдриан всегда предпочитал держать все под своим контролем, не доверяя никому и никогда, а если и доверяя, то проверяя. Вот и сегодня после утомительного дня он прибыл во дворец, чтобы проверить государственные дела лично. И сейчас уверенным шагом направлялся в кабинет старшего сына, что должен был замещать его на период поисков и расследования.

Его дети родились достаточно сильными, чтобы удержаться в правящей касте, и это заставляло Эдриана быть еще более внимательным. Официальной наследницей до недавнего времени была Фрида, но сейчас все изменилось. Да и потом, что такое наследник у вампиров, если они признают только право сильного? Так, формальность, не более. То, что старший сын вскоре решится бросить ему вызов, у повелителя не вызывало сомнений, потому и следил он за ним еще более пристально, чем всегда. Но сейчас вопрос стоял о чести рода, и Эдриан мог

быть спокоен, что раскола в ближайшее время не произойдет. С другой стороны, лучшешний раз проверить.

Эдриан решительно распахнул двери в кабинет сына.

— Приветствую тебя, повелитель, — из-за широкого деревянного стола словно по команде поднялся высокий молодой вампир с волосами цвета воронова крыла, широким разворотом плеч и темно-серыми глазами. Мужчина был на голову выше повелителя. Внешне совершенно разные, отец и сын походили друг на друга куда больше, чем им самим бы этого хотелось.

— Эрик, — коротко кивнув, сказал Эдриан и опустил на первый попавшийся стул. Казалось бы, не слишком подобает повелителю устраиваться у самого входа, но сделано это было так, что Эрику невольно захотелось спросить разрешения сесть, прямо как в детстве.

— Рассказывай, сын, — коротко велел Эдриан. — Документы на подпись дай сейчас, надо прочесть.

Повелитель уже приготовился к кропотливому труду, как Эрик неожиданно заговорил сам:

— Что нового, отец?

Вопрос был задан чересчур поспешно, хоть и нарочито безразличным тоном.

Повелитель холодно посмотрел на сына, про себя отмечая его излишнюю горячность, неподобающую высшим вампирам, но все же соизволил ответить.

— Из МАМ без вести пропали двое студентов, брат и сестра, люди, — сухо излагая факты, заговорил Эдриан. — С парнем у нашей Фриды были *особые* отношения. — Повелитель многозначительно поднял светлую бровь. — В комнате были найдены следы человеческой крови, судя по всему, крови этого парня. Я отдал распоряжение. Тарий и человеческий маг, что приходится этим людям вроде бы дядей, взяты под стражу до выяснения обстоятельств. Сейчас одна наша группа прочесывает юг Ирэми, я же со второй группой — север.

— Север? — заинтересованно переспросил сын.

— Да, мы уловили остаточный след телепорта, и он имеет северное направление. Сейчас сказать сложно, куда конкретно направлялись беглецы, но мы это выясняем.

— Ты уверен, что к этому могут быть причастны люди?

— Нет, но другие варианты проверены и признаны несостоятельными, — весьма сухо ответил вампир, устало потирая пальцами виски.

— А что Тарий?
— Я же сказал: он в тюрьме до выяснения.
— Не слишком ли круты подобные меры?
— Он ответственен за все, что происходит в МАМ.
— Отец, я хочу участвовать в поисках, — немного неуверенно сказал темноволосый вампир.

Эдриан ненадолго замолчал, обдумывая последствия подобного решения. С одной стороны, Эрик был еще молод и горяч. Но, с другой стороны, это было хорошей возможностью удалить его от власти на какое-то время. Да и сам повелитель всегда ставил дела своей страны на первое место, а в связи с последними событиями не уделял им достаточного количества времени. Это могло вызвать проблемы в будущем.

— Хорошо, собирайся, завтра отправишься в Пограничье Ирэми, там обрывается след.

Короткая реплика, брошенная повелителем, вызвала в душе Эрика невероятный шквал эмоций. Он не смел и надеяться, что отец согласится. Но согласие получено, и у него есть шанс не только восстановить честь семьи, но и покинуть родной дом впервые за долгое время. И такую возможность он не желал упускать.

— Если серьезно, зачем ты залезла в этот проем? — шутиливо поинтересовался Лео, хотя взгляд его казался предельно сосредоточенным.

— Просто хотела перейти на соседнюю улицу, но не рассчитала с собственными размерами, — не задумываясь соврала я.

Он вытащил меня из западни, в которой я оказалась по собственной глупости, и сейчас мы мирно прогуливались по торговым рядам. Я с интересом изучала предлагаемый торговцами товар, Лео с не меньшим интересом изучал меня. Я ощущала его пронизывающий взгляд всем своим естеством. Мне было не слишком уютно рядом с ним. И в чем была причина этого, я старалась не думать. В его ли взгляде, предельно серьезном и сосредоточенном? А может быть, во внешности, от которой помимо воли у меня заходило сердце в бешеном галопе? Или в аромате, едва уловимом, тонком, но таком будоражащем и волнующем? Но в то же время мне было хорошо. Даже не так, впервые за последние дни мне казалось, что сердце мое не разбито на мириады осколков. Я могла просто смеяться, гулять, наслаждаться происходящим... Это было стран-

ным и пугающим. Разве может быть так, что после всего произошедшего я в состоянии испытывать нечто подобное?

— Как видно, особой проницательностью природа тебя не наградила, — хмыкнул он.

Ах да, чуть не забыла! Еще он бесит меня так, как никто и никогда в этой жизни.

Странная смесь разливалась в душе с его появлением.

— Все нормально с моей проницательностью, — ощутимо скрипнув зубами, сказала я.

— Мне показалось или тебя задело мое замечание? — улыбнулся он, бесперемонно хватая меня за шкурку и оттаскивая в сторону.

Невероятно, но я только что чуть не вляпалась... в самом прямом смысле слова! Как это возможно и что со мной?

— Тебе показалось, — хмыкнула я, чувствуя, как внутри зарождается волна негодования. — И я не пятилетний ребенок, чтобы хватать меня за шкурку! — рыкнула я.

— Ладно, в следующий раз дам тебе смело наступить в дерьмо. Чего уж там, мне не жалко.

— Спасибо, — не нашлась я с достойным ответом и горделиво вздернула подбородок.

— Всегда пожалуйста.

Некоторое время мы шли в полной тишине. Воспользовавшись паузой в разговоре, я начала внимательнее присматриваться к прилавкам. Мне все еще нужна была краска для волос. Планы о том, чтобы купить нижнее белье и кое-что из одежды, были отложены в долгий ящик. Как я могу делать это при постороннем мужчине?!

— Кстати, — вдруг заговорил Лео, небрежно засовывая руки в карманы куртки, — как тебя зовут, незнакомка? — сказал — и тут же посмотрел мне в глаза так, что у меня сбилось дыхание.

«Бездна меня подери! Как же меня зовут?!» — взорвалось в голове, в то время как сердце начало громче стучать в груди под взглядом Лео.

— Мирта, — не задумываясь буркнула я самое распространенное в Ирэми имя. Может быть, если бы он не смотрел так пристально на меня, я бы нашлась с более оригинальным ответом. Отчего-то хотелось, чтобы имя было более красивым. Будто это могло повлиять на его отношение ко мне... А то Мирта! У нас в Пограничье так только коз называли!